

ТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 8
15 АПРѢЛЯ
1906

1906 годъ.

Апрѣль № 8.

Сообщаніе

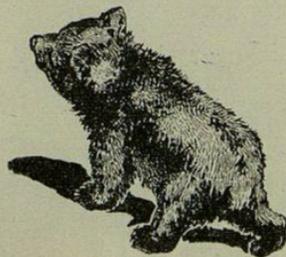
ЖУРНАЛЬ

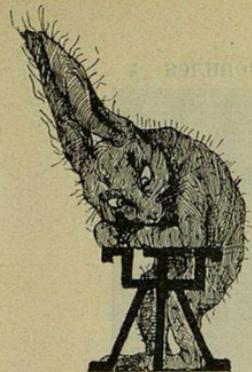
ТРОПИКЪА.

Содержаніе.

1. Поденѣжникъ—стихотвореніе *Allegro*. Съ рисункомъ автора.
2. Исторія одного воробья—разсказъ *М. С. Безобразовой*. Съ 3 рисунками.
3. Сказка о Медвѣдѣ, трехъ сестрахъ и Зайчикѣ Иванычѣ—*А. Ремизова*. Съ 9 рисунками *Т. Гуніусъ*.
4. Ночь и день—стихотвореніе *Allegro*. Съ 2 рисунками автора.
5. Переселеніе—разсказъ *Д. Потьмина*.
6. Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 6-мъ №.

Сказка о Медвѣдѣ, трехъ сестрахъ и Зайчикѣ Иванычѣ.

ИЛЪ-БЫЛЪ человекъ, а у человекъ были три дочери, — три дѣвочки, какъ одна, красавицы и шустрья-прешустрья, не знали надъ собой страха.

Старшую звали Дарьей, среднюю Марьей, а меньшую Агафьей.

Изба ихъ стояла у лѣса. И лѣсъ былъ такой громадный, такой частый, — не пройти по немъ, не проѣхать.

День-деньской безъ умолку шумѣлъ лѣсъ, шелестѣлъ свои пѣсни, а придетъ ночь, загорятся звѣзды, и онъ въ звѣздахъ, какъ царь, онъ гудитъ грозно и волнуется.

Много разныхъ страховъ водилось въ лѣсу, а сестрамъ любо: забѣгутъ куда — аукаютъ, передразниваютъ птичекъ, и въ домъ, хоть тресни, не загонишь до ночи.

Такія ужъ веселыя, такія проворныя, такія безстрашныя.

Какъ-то старшая Дарья мела избу, свалился клубокъ съ полки, покатился по полу, да за дверь. Схватила Дарья, взялась клубокъ догонять. А клубокъ катится, закатился въ лѣсъ, пошелъ по кочкамъ

скакать, по хворосту, привелъ въ самую чащу и остановился у берлоги.

А изъ берлоги Медвѣдь, тутъ-какъ-тутъ.

Какъ увидѣлъ Медвѣдь Дарю, зубы оскалилъ, высунулъ красный языкъ, вытянулъ лапы съ когтями и говоритъ:

— Хочешь моей женой быть, а не то я тебя съѣмъ.

Согласилась Дарья. Осталась у Медвѣдя.

Вотъ живетъ она себѣ поживаетъ, ходитъ съ Медвѣдемъ по лѣсу, показываетъ ей Медвѣдь разныя диковинки.

У Медвѣдя теремъ. Въ терему три клѣти.

Раскрылъ Медвѣдь первую клѣть, а въ ней серебро рѣкой льется. Раскрылъ Медвѣдь вторую клѣть, а въ ней живая вода ключемъ бьетъ.

Медвѣдь говоритъ Дарьѣ:

— А третью клѣть я не покажу тебѣ, и ходить въ нее я не велю, а не то я тебя съѣмъ.

Цѣлый Божій день нѣтъ Медвѣдя, уйдетъ куда на добычу, а Дарю одну оставить.

Ходитъ Дарья у запретной клѣти, заглянуть, смерть хочется.

Сторожилъ клѣть Зайчикъ Иваычъ.

Пробовала Дарья съ нимъ разговоры разговаривать,—отмалчивается безхвостый,—хвостикъ Медвѣдь ему для примѣты отбѣлъ,—отмалчивается, поводитъ малиновымъ усомъ, жретъ малину.

И не разъ въ горячахъ пхала его Дарья по чемъ ни попало,

Медвѣдъ и Дарья.

таскала за серебряныя ушки. А какъ отляжетъ, примется его обнимать-цѣловать, а то и въ плясъ пустится. А Зайчику—потѣха, мяучить. И самъ когда-то гораздъ былъ, а теперь лапки того—не выходить.

Разъ Зайчикъ Иванычъ и прикурни на солнышкѣ, замѣтила Дарья, да въ клѣтъ. Отворила дверцу и чуть не убилась — въ глазахъ помутнѣло: въ огромной клѣтѣ кипѣло настоящее золото. Захотѣлось Дарьѣ потрогать золото, сунула она палець, а палець золотымъ сталъ.

Пришелъ Медвѣдь, принесъ малины. Съѣли за столъ. Пьютъ чай, Медвѣдь и говоритъ:

— Что это, Дарья, у тебя золотой палець?

— Да такъ себѣ, — отвѣчаетъ Дарья, — золотой сдѣлался.

Тутъ Медвѣдь всталъ изъ-за стола и съѣлъ Дарью, а косточки въ уголь бросилъ.

* * *

Тосковали сестры. Рыскали по лѣсу, по птичьимъ-по-синичьимъ кликали, звали сестрицу. Хоть бы тебѣ голосъ подала.

И годъ прошелъ и другой прошелъ. Ни духу, ни слуху.

Какъ-то середняя Марья подметала избу, сронила клубокъ. Покатился клубокъ. Пошла за нимъ Марья. Шла-шла, въ самую гущу забралась. Остановился клубокъ. Глядь Медвѣдь.

Всталъ на дыбы Медвѣдь, шелкнулъ зубами и говоритъ Марьѣ:

— Хочешь моею женою быть, а не то я тебя съѣмъ.

Марья и такъ и сякъ, да ничего не подѣлаешь, осталась у Медвѣдя.

Медвѣдъ и Марья.

Медвѣдь ей всякое угожденіе оказываетъ, водить по лѣсу, деревья выворачиваетъ, медомъ пичкаетъ и всякія медвѣжки штуки выкидываетъ.

У Медвѣдя теремъ. Въ терему три клѣти.

Растворяетъ Медвѣдь клѣти. Глазѣтъ Марья на серебро и живую воду.

— А третью клѣть я не отворю тебѣ,—говоритъ Медвѣдь,—и ходить въ нее я не велю, а то я тебя съѣмъ.

Загрустила Марья, ума не приложитъ, какъ-бы такъ клѣть по-смотрѣть, чтобы Медвѣдь не узналъ. А тутъ этотъ Зайчикъ Иванычъ трется, глазъ не сводить. Подходила Марья къ Зайчику, щекотала ему малиновый усъ, а онъ и въ усъ не дуесть: мяучить себѣ по заячьему, ни слова путнаго.

Выбѣжалъ однажды Зайчикъ Иванычъ на закатъ полюбоваться, а Марья бухъ въ клѣть. А какъ взглянула, остолбенѣла вся, да и ткни палець въ золото, и тотчасъ палець золотымъ сталъ. Охала и ахала Марья: какъ быть, увидитъ Медвѣдь—съѣсть живьемъ. Побѣжала къ Зайчику. Сидѣлъ Зайчикъ Иванычъ, напѣвалъ себѣ подъ носъ, штаны чинилъ. Обрадовалась Марья, выхватила у Зайчика заплатку и перевязала себѣ палець.

Вотъ пришелъ Медвѣдь, приволокъ разныхъ разностей полонъ коробъ. Съли за столъ.

-- Что это у тебя, Марья, съ пальцемъ такое? — спрашиваетъ Медвѣдь.

— Ничего, — говоритъ Марья, — набредила чѣмъ-то, вотъ и обвя-зала его тряпочкой.

— Давай вылѣчу.

Поднялся Медвѣдь, развязалъ тряпку. А подъ тряпкой золотой палець.

Тутъ, не говоря худого слова, съѣлъ Медвѣдь Марью, а косточки въ уголь бросилъ.

* * *

Убивалась Агафья.

— Сестры, сестрицы мои родимыя! — куковала она по кукушечьи.

А ихъ и слѣдъ простылъ.

Только лѣсъ шумить, шелестить царь-лѣсъ.

Такъ годъ прошелъ и другой прошелъ. Нѣтъ сестеръ.

Какъ-то подметала Агафья полъ, скатился клубокъ, покатился въ лѣсъ. Шла Агафья за клубкомъ, шла, какъ сестры, вплоть до самой берлоги.

Выскочилъ Медвѣдь, зарычалъ, ошетинился и говоритъ Агафѣ:

— Хочешь моей женой быть, а не то я тебя съѣмъ.

Не сразу далась Агафья, заупрямилась. Диву дался Медвѣдь и полюбилъ еще пуще всѣхъ сестеръ. Ходитъ косматый по лѣсу, собираетъ цвѣты, вѣнки плететь. А пойдетъ съ Агафѣй гулять, про

всякую травку ей рассказываетъ, всякія берложныя хитрости выкладываетъ. А то ляжетъ на спину, перекатывается, пѣсни медвѣжьи поетъ. Зайчику въ знакъ своего удовольствія мордочку медомъ вымазаль.

У Медвѣдя теремъ. Въ терему три клѣти.

Все показалъ Медвѣдь и серебро и живую воду, а въ третью клѣть не повелъ.

— И ходить въ нее я тебѣ не велю, а не то я тебя съѣмъ.

— Съѣмъ! Съѣлъ одинъ такой! — фыркнула Агафья, а сама думаетъ, какъ-бы этакъ Медвѣдя провести.

А Зайчикъ Иванычъ мигаетъ ей глазомъ. Зайчикъ Иванычъ души въ ней не чаялъ.

Бывало, уйдетъ Медвѣдь, а Агафья къ Зайчику:

— Зайчикъ, зайишка, научи меня, сѣренькій, какъ быть, чую, погибли мои сестры, погибну и я: заѣсть меня Медвѣдь.

А Зайчикъ Иванычъ подопрется лапкой п лопочеть что-то по своему.

Такъ проводили они дни: сядутъ гдѣ на крылечкѣ и сидятъ рядкомъ, горе горюють.

Разъ Зайчикъ лучину щепаль, самоваръ пить собиравались.

А какъ приметъ Зайчикъ что дѣлать, такъ ужъ на цѣлый годъ надѣлаеть, такая ужъ повадка у него была.

Медвѣдъ и Агафья.

Такъ и теперь весь дворъ лучинкой закидалъ.

Агафья подсобляла Зайчику, и вдругъ такая тоска на нее нашла, свѣту не взвидѣла, пошла бродить по терему. Постояла, поплакала надъ костями сестеръ, да съ отчаянiя туркнулась въ запретную клѣть. И ослѣпило ее золото, закружило голову, да не сплеховала Агафья: опустила лучинку въ золото. А вынула—лучинка, какъ жарь, горить.

— Сестры, сестрицы мои родимыя!

Запрятала Агафья золотую лучинку въ красный сафьяновый башмачекъ, отдала башмачекъ Зайчику, а Зайчикъ пошелъ въ погребъ за молокомъ, да дорогой и сунулъ башмачекъ въ свою старую норку.

Пришелъ Медвѣдь. Съли брагу пить. И все честь честью, по хорошему.

* * *

И снова дни тоски и неволи. Тоски и неволи.

Пораскидывали умомъ Зайчикъ Иванычъ съ Агафьей.

Разъ Зайчикъ и говорить:

— Не умѣю я по человѣчьему сказывать, а то бы сказалъ.

Тѣмъ разговоръ и кончился.

Бродить Агафья по терему, плачетъ надъ костями сестеръ, заглядываетъ то въ одну, то въ другую клѣть.

И пришла ей мысль счастье попробовать. Набрала она полонъ ротъ живой воды, вспрыснула сестрицы кости. И встала передъ ней Марья жива-живехонька.

Что дѣлать, куда дѣваться. Къ зайчику. Такъ и такъ, говорить. Хорошо, говорить, зайчикъ, сію минуту. Взялъ зайчикъ Марью за руку, да въ дупло и запряталъ, а самъ нанесъ ей туда грушъ да яблоковъ и всякаго печенья. И дѣло съ концомъ.

Пришелъ Медвѣдь. Сталъ къ Агафѣ ластиться. А Агафья и говорить:

— Рычунъ, мой рычунъ, сдѣлай ты мнѣ, что я тебя попрошу.

— А ты напередъ скажи, что тебѣ сдѣлать, а то ты, можетъ, третью клетъ посмотрѣть хочешь, такъ я тебя съѣмъ.

— Батя мой завтра именинникъ, хочу пироговъ ему испечь, а ты снеси.

— Это можно, пеки.

Обрадовалась Агафья, опрOMETRY на кухню пустилась, тѣсто готовить. Изготовила тѣсто, пироги принялась печь. Испекла пироги. взяла мѣшокъ, посадила въ мѣшокъ Марью, покрыла Марью пирогами. И готово дѣло.

Говоритъ Агафья Марѣ:

— Сядетъ Медвѣдь посидѣть, станетъ мѣшокъ развязывать, а ты и скажи:

Не садись, муженекъ.

На пенекъ,—

Все вижу,

Все слышу.

Чуть только солнышко взошло, взвалилъ Медвѣдь мѣшокъ на плечо да въ путь-дорогу пустился.

Полднемъ вздумалось Медвѣдю поотдохнуть маленько, свалилъ онъ мѣшокъ на землю, сталъ развязывать.

Не садись, муженекъ,
На пенекъ,—
Все вижу,
Все слышу.

— какъ закричить Марья.

Вскочилъ Медвѣдь, повелъ ухомъ.

— Ишь,—подумаль,—и голосъ же у моей Агафьи, все видитъ, и съѣсть тебѣ не полагается.

Пустился дальше. А какъ добѣжалъ до избы, шваркнулъ мѣшокъ у калитки, да во все лопатки домой обратно.

Долго ли, коротко ли, немного не мало, а годъ, другой прошелъ.

Вспрыснула Агафья сестрины кости, встала передъ ней Дарья жива-живехонка. Тутъ опять къ зайчику. Заперъ зайчикъ Дарью въ чуланъ.

Вечеромъ приступила Агафья къ Медвѣдю:

— Мамушка моя именинница, испеку я ей пироговъ для дня ангела, снеси ты ихъ, косолапушка.

А сама Дарьѣ шепнула:

— Какъ разсядется Медвѣдь, ты ему крикни:

Не садись, муженекъ,
На пенекъ,—
Все вижу,
Все слышу.

Такъ все и случилось. Съѣлъ было Медвѣдь посидѣть, сталъ мѣшокъ развязывать, вдругъ услышалъ голосъ, оторопѣлъ, да въ путь. А какъ добѣжалъ до калитки, брякнулъ мѣшокъ, и домой во-свои.

* * *

И снова дни тоски и неволи. Тоски и неволи.

— Зайчикъ, зайника, научи меня, сѣренькій, что мнѣ дѣлать, не могу больше у Медвѣдя жить, хочу къ сестрамъ.

А Зайчикъ Иванычъ и радъ бы что посовѣтывать, да сказать то ничего не можетъ. А ужъ такъ привязался, такъ привязался къ Агафѣй, на шагъ отъ себя не отпускаетъ. Прямо влипъ.

Что наработалъ за долгую зиму, все ей отдалъ, какіе бисерные кошельки понанизалъ, все ей отдалъ. Лѣтось къ Медвѣжьему дядѣ за тридевять земель скакалъ, выпросилъ у стараго хрустальную туфельку да жемчуговъ горетку, — все ей отдалъ.

Подошла весна. И когда зачирикали птички и полѣзли изъ почекъ листочки, чтобы на свѣтъ посмотреѣть, сказала Агафья Зайчику.

— Ну, Зайчикъ Иванычъ, придумала я одну штуку, теперь уйду отъ Медвѣдя.

Насупился Зайчикъ.

А Медвѣдь спрашиваетъ.

— Что ты, красавушка, что ты такая веселая?

— А какъ мнѣ не веселой быть, батю съ мамушкой во снѣ видѣла, испеку имъ пироговъ, отправлю завтра гостинцу. Ты еще дрыхнуть

будешь, а я затворюсь въ терему, подымусь на вышку, буду слѣдить за тобой, какъ въ путь тронешься, буду пѣсни пѣть. Слышишь, ты не зови меня, я одна останусь, буду слѣдить за тобой, буду пѣсни пѣть.

Легъ медвѣдь спать спозаранку. Испекла Агафья пироговъ, позвала Зайчика:

— Прощай Зайчикъ Иванычъ, прощай, миленькій.

Насутился Зайчикъ, не пускаетъ, уцѣпился лапками за передникъ, а на глазахъ слезы.

И прокоротали они вдвоемъ послѣднюю ночь. Разказывалъ ей Зайчикъ свою заячью повѣсть, какъ Медвѣдь выгналъ его изъ родимой норки, какъ пришибъ зайчиху, какъ помирала покойница.

И плакалъ Зайчикъ Иванычъ, и о какихъ-то лисятахъ сквозь слезы поминалъ... онъ ли ихъ съѣлъ, они ли дѣтей его слопаля, понять мудрено.

На развѣтъ юркнула Агафья въ мѣшокъ, обложила пирогами. Отнесъ Зайчикъ Иванычъ мѣшокъ къ берлогу, заперъ теремъ, а самъ съѣлъ на крылечкѣ караулъ держать.

И когда Медвѣдь съ своей ношей скрылся изъ глазъ, запрятался Зайчикъ Иванычъ въ свою старую норку, вынулъ изъ кованнаго ларчика красный сафьяновый башмачекъ, поставилъ къ себѣ на столикъ и залился горькими слезами:

— Сестры, сестрицы мои родимыя!

А Медвѣдь шель-шелъ, задумалъ присѣсть, развязалъ мѣшокъ.

Не садись, муженекъ,
На пенекъ, —
Все вижу,
Все слышу.

— закричала Агафья.

— Слышу, слышу! — рывкнулъ Медвѣдь отъ радости благимъ матомъ и во всю прыть дальше помчался.

А какъ добѣжалъ до калитки, шлепнулъ мѣшокъ, и однимъ духомъ обратно.

То-то радость была. Снова вмѣстѣ всѣ трое, три сестры — красавицы. Пошли распросы, да рожасны, ну и все такое, пятое-десятое.

До полночи глазъ не сомкнули.

А въ полночь весь въ звѣздахъ, какъ царь, загудѣлъ лѣсъ грозно заволновался. И поднялась такая страшная буря, изба ходуномъ пошла, срывало ставни, дубастило

въ крышу, а вѣковыя деревья, какъ былинку, къ землѣ пригибало и выворачивало съ корнями столѣтніе дубы и подбрасывало великановъ вверхъ, къ небу, за звѣзды.

Это онъ—Медвѣдь кружилъ и ломалъ берлогу, сворачивалъ бревна, разбрасывалъ по щепкамъ высокій теремъ. И чуть только свѣтъ задымился на небѣ, Медвѣдь издохъ отъ тоски.

Алексѣй Ремизовъ.

